

УДК 821.16.1-992.09 (Грибоедов)

ПРОСОПОГРАФИЯ ПЛАНОВ ПОЕЗДКИ А. С. ГРИБОЕДОВА НА КАВКАЗ В 1824–1825 гг.¹

Минчик С. С.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: sersermin@ukr.net*

К числу участников революционного движения А. С. Грибоедова относят, во многом отталкиваясь от наблюдений над его встречами на Украине и в Крыму (июнь – сентябрь 1825 г.), где тот оказался по дороге на Кавказ. Но детальное и объективное рассмотрение источников помогает понять, что, путешествуя, создатель «Горя от ума» чаще общался не с декабристами, как утверждалось ранее, а с литераторами, религиозными деятелями и хозяйственниками, о чем грибоедовиана советских лет умолчала. Цель представленной работы – выяснить, кого из лиц, чьи имена сочинитель-дипломат назовет в переписке в период подготовки к своему странствию (июнь 1824 – май 1825 гг.), ученые обходят вниманием так же, как это делалось с его окружением в пути, и почему это происходит. Исследование посвящено связям Грибоедова с Анри Жомини, Марком-Антуаном Жюльеном, Аркадием Столыпиным и Вацлавом Ржевуским. Образ последнего воссоздается для выявления обстоятельств, которые обусловили позицию экспертов касательно причастности к писательской поездке его однофамильца Генриха. Устанавливается наличие родственных отношений между обоими шляхтичами, показывается, чем занимались Жомини, Жюльен, Столыпин и В. Ржевуский в 1824–1825 гг., определяется характер их вовлеченности в политический и культурный процесс. Раскрываются способы номинации этих лиц в грибоедовском эпистолярии и детали их знакомства с будущим классиком, переосмысливается трактовка произошедшего между ним и Южным обществом в Киеве. **Ключевые слова:** грибоедоведение, просопография, вульгарный социологизм, русско-европейские связи.

1

В годы СССР Александр Сергеевич Грибоедов (1794–1829) оказался одним из тех авторов, чью биографию ученые искажали систематически. Делалось это, чтобы придать образу революционной борьбы привлекательности, вписав в ее историю знаковое для России имя. Ключевое место здесь отводилось окружению Грибоедова, которое позволяет судить о том, какими в действительности были его взгляды. Исключением не стал и писательский вояж на юг в 1825 г. В литературе о данном событии (Г. Н. Кунцевская, А. И. Маркевич, В. П. Мещеряков, И. И. Петрова, Н. А. Тархова и др.) персоналии, встретившие классика, учитываются не в полном объеме, многое из произошедшего между ними интерпретируется вопреки источникам [15, с. 27–60].

Ономастикон киевского и крымского периодов жизни Грибоедова невелик. В своем дневнике он прямо называет семь человек (А. М. Бороздина, М. Ш., М. А. Манто, Джеймса Педди, А. И. Султана Кадиgireя Крымгиреева, Е. О. Офрейн, Селями-Эфенди), встретившихся ему по дороге на Кавказ [20, с. 322–334]. Пятеро (В. Н. Бегичева, А. К. Бодде, А. Д. Грибов, Д. А. Кологривова, Н. Н. Оржицкий) фигурируют в писательской корреспонденции [21, с. 94, 100, 102]. Еще шестнадцать имен, относящихся

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

к визиту Грибоедова на юг (о. Агафангел, Бейм, М. П. Бестужев-Рюмин, И. А., С. И. и И. С. Мальцовы, София Манто, А. З. Муравьев, А. Н. Муравьев, С. И. Муравьев-Апостол, Л. А. и З. А. Офрейн, М. Ф. Орлов, П. П. Свиньин, Н. В. Сушков и С. П. Трубецкой), удастся воссоздать на основе эпистолярия его современников, мемуаристики, материалов Следственного комитета по делу о тайных обществах и устных свидетельств [15, с. 27, 46–59]. Итого – двадцать восемь субъектов, мало похожих друг на друга как родом занятий, так и увлечениями. Дать им если не целостную, то хотя бы фрагментарную, но, что важнее, и концептуальную характеристику первой в грибоедоведении сумеет академик М. В. Нечкина. Будучи крупнейшим специалистом в области революционного движения в России XIX в., с тайным заговором она ассоциировала и создателя «Горя...». Преимущественно на основе просопографических наблюдений – включая его встречи в Киеве и на полуострове. Впрочем, вольнодумцами из числа лиц, видевшихся с Грибоедовым в период странствия в 1825 г., судя по имеющимся документам, являлись всего шестеро (Бестужев-Рюмин, Муравьев, Муравьев-Апостол, Оржицкий, Орлов и Трубецкой). То есть почти пятая часть от совокупного числа деятелей, входивших в подтвержденный источниками круг писательского общения в пути. А этого недостаточно, чтобы делать какие бы то ни было решительные выводы касательно поездки Грибоедова в Полуденный край. И тем более изображать ее так, как историк Нечкина (и, шире, вульгарная социология) – лишь в свете активности подполья и без учета иных контекстов. Многообразие таких можно увидеть благодаря крымскому материалу, который показывает: большинство людей, связанных с пребыванием Грибоедова на юге, в действительности отражали его интересы к искусству, религии и экономике, но не к политике, как считалось ранее [15, с. 46–60]. В центре представленного труда – еще одна категория лиц, относящаяся к, собственно, замыслу «одиссеи» 1825 года. Кого из них наука не замечает доныне и почему это происходит? Поиск ответов на данные вопросы составляет цель предпринятого анализа.

В наши дни окружение создателя «Горя...» в науке изучается мало. В тех же публикациях, где о нем говорится, рассматриваются такие дискурсы, которые уступают широте просопографических выводов Нечкиной [27, с. 96–100; 31, с. 71–72, 73–75, 76–78]. Все это определяет новизну разысканий, обращенных к теме писательских контактов и преодолевающих ограниченность устоявшихся трактовок биографии классика и его наследия.

Актуальность статьи продиктована необходимостью понять, что мешает экспертному сообществу противопоставить системе выводов Нечкиной соразмерную им теорию, которую бы отличала такая же установка на цельность осмысления грибоедовской личности. Работа выполнена на основе метода, который предполагает создание групповых характеристик лиц [1, с. 95–96], в повествовании задействованы источники на белорусском, немецком, польском и французском языках, позволяющие узнать больше о современниках литератора-дипломата и о его исследователях.

2

Визиту Грибоедова в Грузию через Крым предшествует длительная подготовка, которая включает два периода: петербургский и киевский. Первый характеризуется выбором маршрута странствия, второй – его реализацией.

В марте 1823 г., после четырех с половиной лет службы на востоке, Грибоедов возвращается в столицы. Однако уже в конце декабря, «будучи одержим сильною

болезнью» [21, с. 352], он вновь заявляет о желании покинуть Россию – «для восстановления расстроенного здоровья» [21, с. 352]. Разрешат ему «ехать за границу для лечения» [21, с. 50] 1 мая 1824 г., 10 июня своему другу С. Н. Бегичеву будущий классик сообщит: «Знаю об отпуске моем и позволении ехать в чужие края» [21, с. 71], – а спустя две с половиной недели П. А. Вяземский получит от него следующие строки: «Очень хорошо сделали, что приписали параграф для показания Jullien, я вам очень благодарен, особенно коли не удастся мне более побывать в Москве... Это послужит вместо литературного паспорта» [21, с. 73]. 17 октября Грибоедов известит П. А. Катенина: «Отсюда в Париж, потом в южную Францию, коли денег и времени достанет, захвачу несколько приморских городов, Италию и Фракийским Воспором в Черное море и к берегам Колхиды» [21, с. 82]. Но уже 4 января 1825 г. в писательской корреспонденции появятся первые признаки разочарования в ситуации, которая сложилась вокруг его поездки: «Теперь я пропустил славный случай. Жюльен хотел со мною путешествовать. Mais en attendant, qu'il faisait ses malles, je faisais l'amour, и он укатил один» [21, с. 85]. 18 мая, получив свидетельство МИД «о возвращении его на службу в Грузию» [8, с. 66], Грибоедов пожалуется Бегичеву: «Ты уже, верно, из газет знаешь, что Столыпин, с которым я в путь собирался, умер» [21, с. 93]. А 10 июня, уже находясь в Киеве, напишет В. Ф. Одоевскому следующее: «Меня приглашают неотступно в Бердичев на ярмарку, которая начнется послезавтра, там хотят познакомить с Ржевуцким» [21, с. 93].

Приведенные цитаты – в сущности, все, что известно о грибоедовских планах попасть на Кавказ от первого лица. И по ним видно, что более чем за два года поменяются не лишь сроки задуманного странствия, но также и география. Что же до персоналий, имена которых значатся в эпистолярной авторской «Горя...» в свете его возвращения к месту службы, таковых всего четыре.

3

Марк-Антуан Жюльен (1775–1848) известен как один из видных деятелей Революции во Франции. Сын депутата Конвента, который проголосовал за смертный приговор королю Людовику XVI, он рано станет якобинцем и благодаря таланту пропагандиста попадет в окружение диктатора Максимилиана Робеспьера. После Термидорианского переворота Жюльен окажется в рядах соратников уже другого лидера Республики – командующего армией Наполеона, а с его падением отойдет от политики и государственного управления, вернувшись в публицистику [11, с. 92–93; 32, с. 121–122]. В 1819 г. им будет основан журнал «Revue Encyclopedique», который сведет его с передовыми литераторами Европы и России. Многие из них были друзьями Грибоедова: в частности, Н. И. Греч, привлеченный к работе русского отдела редакции, и В. К. Кюхельбекер, который в 1821 г. привезет в Петербург корреспонденцию Жюльена [5, с. 37–38].

Состоял в контакте с учредителем «Revue...» и князь Вяземский. Именно он, пригласив Жюльена к сотрудничеству, в 1824 г. получит встречное предложение стать иностранным обозревателем издания – и даже успеет подготовить к печати на его страницах свои творения. Однако, находясь под тайным надзором властей, Вяземский скроет факт своего общения с публицистом-революционером. Потому его ответ на письмо Жюльена дойдет до места назначения не почтой, а оказией, через посредничество В. Ф. Гагарина [11, с. 94–101]. Возможно, что в целях конспирации Вяземский

постарается использовать и Грибоедова, как раз и приобщив к очередным бумагам, которые предназначались для отправки в Париж, некий «параграф для показания Jullien» [21, с. 73]. Каково было их содержание, в настоящее время не ясно – равно как и то, что же опальный князь написал своему адресату относительно создателя «Горя...». Но если в «донечкиновский» период своего развития [28, с. 4] наука о Грибоедове хотя бы пыталась выяснить это, после 1940-х гг. соответствующие попытки не предпринимались ни в СССР, ни в других странах [12, с. 236–239; 35, р. 204]. В итоге на сегодняшний день имя Жюльена почти не фигурирует на страницах «титульных» проектов. А если и называется грибоедоведами, то без упоминаний о поэтической, естественнонаучной, педагогической и гражданской активности учредителя «Revue...» – и характеристик, помогающих увидеть роль данного СМИ в жизни Европы [11, с. 93]. То есть в подаче, которая едва ли приближает к прояснению мотивов писательского желания непременно попасть в Грузию через Францию [9, с. 209, 520; 21, с. 638].

Анри Жомини (1779–1869) вошел в историю как полководец, пользовавшийся доверием Наполеона в бытность того уже Императором. Перейдя на службу к Александру I, в России это выходец из Швейцарии не жил, но регулярно ее посещал [26, с. 53–57]. Вот и в 1824 г. его пребывание в Петербурге будет краткосрочным: приехав сюда в июле – августе, домой он отправится уже в конце декабря или начале января следующего года. Накануне отъезда Жомини успеет не единожды встретиться с Царем и представителями русского Штаба [38, с. 102–104]. Однако круг его интересов здесь не ограничится лишь сферой службы.

Жомини – автор научных публикаций на военную тематику, а среди тех, кто общается с ним в период с 30 августа по 17 октября 1824 г., особое место занимает грибоедовский приятель и родственник генерал И. Ф. Паскевич [26, с. 58; 38, с. 103]. Неслучайно 4 января 1825 г. создатель «Горя...» назовет именитого швейцарца буднично – как будто бы речь шла не об одном из величайших стратегов Европы, но о человеке, к которому в писательском окружении привыкли давно: «*Жоминь хотел со мною путешествовать. Mais en attendant, qu'il faisait ses malles, je faisais l'amour, и он укатил один*» [21, с. 85]. А 17 октября 1824 г. в его корреспонденции появятся такие строки: «*В театре перевозносят Каратыгина и тебе приписывают развитие его дарования. Жоминь и пр<очие> его чрезвычайно хвалит; находит только, что не должно бы ноги ставить параллельно*» [21, с. 82]. Как видно, герой наполеоновских войн изображен здесь таким же знатоком прекрасного, как и сам Грибоедов. И упомянут в связи с театром – который в 1824 г. Жомини посетит в обществе все того же Паскевича [38, с. 103].

Не был чужд высокому и Аркадий Столыпин (1778–1825). Член Правительствующего Сената, искусству он посвящал много времени. И хотя признать его удачливым литератором не приходится, ряд напечатанных им трудов современникам запомнится [33, с. 685]. Включая «Письмо с Кавказской линии ...» (1795 г.), которое станет первым в отечественной лирике творением, где описывался край воинственных горцев [7, с. 550].

Присутствует Восток и в других опытах Столыпина, однако свяжет этого человека с Грибоедовым не лишь ориентальная тема. Общался он с Н. М. Карамзиным и В. А. Жуковским, входили в его окружение писательские друзья Кюхельбекер и К. Ф. Рылеев [7, с. 550; 22, с. 559–560]. Последних, помимо стихосложения, также объединяла причастность к тайному заговору – организаторам которого, в свою очередь, Столыпин симпатизировал [19, с. 73]. Сблизит его с Грибоедовым и жизнь в одном доме

в Петербурге [29, с. 30, 288, 405], ему же в знак доверия одному из первых будет представлен текст только что завершеного «Горя...» [21, с. 75]. Но если в середине июля 1824 г. сочинитель-дипломат напишет: «*Пуквиля не мог еще достать, запрещен, есть он у Столыпина*» [21, с. 77], имея в виду популярного среди вольнодумцев французского политика и мыслителя [23, с. 294–296], меньше, чем через год, характер его высказываний станет более трогательным. Сообщив Бегичеву о смерти приятеля, в компании которого планировался вояж на юг, 18 мая 1825 г. Грибоедов добавит: «*Мы бы его похоронили и все тут, но вдова его ангел, а не женщина, одно утешение находит быть со мною*» [21, с. 93]. И далее: «*От меня слишком бы жестоко было лишить ее (хоть это и не может продлиться) моего присутствия в ту самую минуту, в которой оно необходимо, и я покуда остаюсь*» [21, с. 93].

Вацлав Ржевуский (1785–1831) был сыном «польного» Гетьмана Речи Посполитой. Еще в юношестве он увлечется Востоком и подружится с видными ориенталистами, примет участие в войне с Наполеоном и попробует себя на ниве педагогики и меценатства. Как знаток конного дела в 1817 г. Ржевуский отправится в арабские земли с целью приобрести табун первоклассных скакунов для продажи и выполнить тайные поручения Царя. Но останется на чужбине, снискав уважение местных племен и присоединившись к их борьбе за свободу [37, с. 90–92, 98–101, 102–104, 111–114, 118–120, 157–220].

В родные края, на Волынь и Подолье, Ржевуский вернется лишь в 1820 г. Дома он примется за разведение лошадей, станет вести образ жизни бедуина, займется музыкой, переводами с азиатских языков и сочинительством. А увлекшись идеей возрождения украинского казачества, сойдется с Польским патриотическим обществом [37, с. 221–252, 237–259, 324–331]. И, видимо, с русским подпольем, что подтвердит грибоедовское письмо к Одоевскому за 10 июня 1825 г.: «*Меня приглашают неотступно в Бердичев на ярмарку, которая начнется послезавтра, там хотят познакомить с Ржевуцким, притом в Любаре семейство Муравьевых устраивает мне самый приятный прием*» [21, с. 96]. Как видно, слова о шляхтиче-авантюристе создатель «Горя...» сгруппирует с упоминанием декабристов, чем подчеркнет свое восприятие их как некой общности лиц.

4

Итак, людей, о которых Грибоедов в разное время говорил по случаю своего намерения попасть на Кавказ через Европу и Крым, так или иначе объединяет причастность к политике и государственной деятельности. Однако ни Жомини с Жюльеном, ни Столыпина с Ржевуским в публикациях, которые посвящены писательскому вояжу, относить к данному событию не привыкли. Причем объяснить логику авторов, печатавшихся до 1991 г., в этой ситуации так же трудно, как и в случае с постсоветской эпохой. Ведь если гуманитаристика в СССР в основном «вульгарно социологизировала» Грибоедова, не ясно, почему она проигнорировала зримую связь с ним как раз тех, кто оказался причастен к революционному процессу – во Франции (Жюльен и Жомини) и России (Столыпин и Ржевуский).

Причины избирательности ученых в оценке грибоедовских планов можно понять, если обратить внимание на имя, которое академик Нечкина отнесет одновременно к двум этапам странствия 1825 г. В отношении киевского ею будет написано следующее: «*Грибоедов собирается на ярмарку в Бердичев, хочет познакомиться с Ржевуцким, не прочь воспользоваться "самым приятным приемом"*», который ему в Любаре

устраивает семейство Муравьевых» [18, с. 537]. Крымский она прокомментирует так: «По мнению польского исследователя Леона Гомолицкого (в работе «Дневник пребывания Адама Мицкевича в России. 1824–1829», изданной в Варшаве в 1949 г.), вилла графа Олизара [в Артеке – С. М.] явилась местом конспиративных свиданий польских революционных деятелей и декабристов» [18, с. 541]. И далее: «Л. Гомолицкий при сопоставлении дат приезда к графу Олизару Мицкевича, Ржевусского и Грибоедова доказывает, что все они приехали одновременно, к одному общему сроку, но каждый порознь» [там же]. В соответствующем указателе к тексту ее монографии при этом будет сказано: «Ржевусский Г. (Rzewuski H.) – 537, 541» [18, с. 727]. Как видно, писательские слова о торжище на Волыни авторитетный историк отнесет к человеку, чье имя фигурирует в книге Л. Н. Гомолицкого «Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji» [36, с. 80, 86]. А именно, к спутнику первого поэта Польши Генриху Ржевускому, который приходился своему однофамильцу еще и племянником [24, с. 464–466; 37, с. 22–87]. Однако традицию включать его в контекст грибоедовских слов о Бердичеве заложит вовсе не Гомолицкий.

Первыми ассоциировать создателя «Горя...» с Г. Ржевуским начнут публикаторы и комментаторы письма от 10 июня 1825 г. [25, с. 812], чьи выводы в истории грибоедоведения сыграют определяющую роль. Не повлияют они лишь на полониста С. С. Ланда – усомнившегося в их обоснованности и заявившего, что на ярмарке подполье хотело познакомить будущего классика не с малоизвестным приятелем Мицкевича, а с куда более примечательной персоной, коей в то время был как раз Вацлав Ржевуский [10, с. 149]. Но поддерживать Ланду Нечкина не станет, вследствие чего знаменитый шляхтич-авантюрист окажется вне списка «грибоедовских имен». И это несмотря на такие, казалось бы, привлекательные (с точки зрения идеологического потенциала) эпизоды его жизни, как арест по делу декабристов и участие в Ноябрьском восстании [37, с. 262–300].

В период либерализации отечественной науки ситуация вокруг версии Ланды не изменится. Вслед за Нечкиной В. Ржевуского будут игнорировать уже современные грибоедоведы – свой выбор в пользу одного из двух родственников так же не объясняя никак [3, с. 270; 8, с. 218; 9, с. 539; 21, с. 663; 30, с. 264, 496]. Хотя знать соответствующую аргументацию важно, а воссоздать ее не составляет труда.

5

Помимо исследовательской деятельности автор книги «Dziennik...» успешно занимался поэзией и критикой [2, с. 265–266]. Уже по этой причине ему должно было быть известно о Вацлаве Ржевуском – именитом беллетристе и переводчике с восточных языков, также общавшемся с Мицкевичем [37, с. 218, 251]. Тем не менее, реплику Грибоедова о Бердичеве из письма от 10 июня 1825 г. Гомолицкий отнесет не к нему, а к его родственнику – который в ту пору, собственно, был примечателен только дружбой с главным поэтом Польши. Почему? Данное решение не выглядит странным, если понимать, что в XX веке многие эксперты во что бы ни стало стремились выявить «нити» [13, с. 411], тянувшиеся от Мицкевича к революционным кругам. Поскольку же приятельствовал этот человек не с Вацлавом Ржевуским, а с Генрихом, вокруг последнего Гомолицкий и выстроит линию своего повествования еще об одном вольнодумце Грибоедове. В итоге угодив официозной науке как в ПНР, так и в СССР. Ведь вероятность контакта с Мицкевичем-заговорщиком через его спутника Г. Ржевуского не просто

усиливала акцент оппозиционности в грибоедовском образе. Вдобавок она позволяла поддерживать красивую теорию о единении классиков славянских литератур в борьбе против царизма. И, в целом, «империализма», противостояние которого со странами соцлагеря в год публикации работы Гомолицкого достигнет апогея [6, с. 74, 76]. Фигурируй же на ее страницах Вацлав Ржевуский, а не Генрих, связать Грибоедова и Мицкевича было бы сложнее. В частности, той же Нечкиной. Последняя, судя по всему, предпочла одного шляхтича другому под влиянием фактора эрудиции – узнав о «Дневнике...» спустя целых два десятилетия после его выхода в свет и потому сославшись на Гомолицкого лишь в третьем издании монографии «Грибоедов и декабристы» (1977 г.), но не во втором (1951 г.) [16, с. 682]. А это доказывает: в реалиях польской культуры Нечкина ориентировалась недостаточно хорошо и о существовании В. Ржевуского она попросту могла не догадываться. В отличие от Гомолицкого – который свой выбор в пользу спутника Мицкевича делал как раз осознанно.

Во-вторых, о Ноябрьском восстании в Польше, участником которого был В. Ржевуский, советская гуманитаристика писала мало [34, с. 183]. Данное событие она считала попыткой консервативного переворота, который выражал интересы радикальной части аристократии и не поддерживался низами. Признаки беспокойства о свободе народа, которые присущи программе ряда декабристов, в нем, напротив, не усматривались [14, с. 491–493]. Соответственно, и участники мятежа 1830–1831 гг. если и воспринимались в СССР как революционеры, то не в социально-классовом, а в националистическом и, стало быть, в антироссийском смысле. Который, бесспорно, скомпрометировал бы Грибоедова как державника и гражданина – позволь он себе общение с В. Ржевуским.

В-третьих, показательна тональность упомянутого письма к Одоевскому. После реплики о В. Ржевуском Грибоедов признается: *«Притом в Любаря семейство Муравьевых устраивает мне самый приятный прием, боюсь сдать на их веру, не скоро вырвешься»* [21, с. 96]. Предшествует словам о нем следующий пассаж: *«За статью в «Телеграфе» приношу тебе заранее мою благодарность, только вопрос теперь, где я наткнусь на нее? – Здесь не найдешь, в Крыму, где буду слоняться недели с три, того менее»* [21, с. 96]. И еще: *«В Керчи сяду на корабль и поплыву в Имеретию, оттуда в горы к Ермолову, так, прощайте журналы до Тифлиса»* [21, с. 96]. Из приведенных строк видно, что 10 июня 1825 г. Грибоедов тверд в желании покинуть Украину, продолжив свою поездку на Кавказ. Однако воплотить в жизнь намеченное ему явно не дают: то приглашая посетить Любарь, где живет Артамон Муравьев и бывают декабристы, связанные с ним родством [4, с. 118, 121, 122, 118, 287, 288, 289], то продвигая идею визита в Бердичев. Налицо намерение вольнодумцев не столько устроить Грибоедову *«самый приятный прием»*, сколько любыми средствами задержать его против воли самого путника. Неслучайно в ходе Следствия по делу о заговоре выяснится, что свое общение с «южанами» создатель «Горя...» прервет, покинув их вопреки правилам приличия. Сделает он это ни с кем *«не простясь»* [19, с. 23] – либо вследствие нежелания находиться в компании с Бестужевым-Рюминым, Муравьевыми и Трубецким, либо по причине конфликта, произошедшего между ними. Как бы то ни было, именно обстоятельства отъезда Грибоедова из Киева поставят под сомнение его вовлеченность в антиправительственные планы, вынудив советских ученых защищать выдуманный ими же миф о ней. С одной стороны, объясняя произошедшее не писательской ссорой с подпольем, а лишь расхождением в их взглядах на характер готовившегося мятежа

[18, с. 533]. И, с другой, сопрягая слова о ярмарке на Волыни в грибоедовском письме к Одоевскому не с Вацлавом Ржевуским, а с Генрихом. То есть с личностью, биография которой не бросала бы на бунтовщиков тень подозрения в желании замирить сочинителя-дипломата и отложить его отъезд. Используя для этого (в роли поощрения, компенсации либо своеобразной приманки) человека с похожими увлечениями – в области путешествий, искусств, а также политики, военного дела и предпринимательства.

Вот, что с большой степенью вероятности определило уникальность ситуации с В. и Г. Ржевускими в грибоедовiane. Причины же, вытеснившие за ее пределы еще и Жюльена с Жомини и Столыпинам, становятся ясны, если вновь обратиться к просопографическому методу. И рассмотреть с его помощью фактологию, относящуюся к способу упоминания этих лиц в писательском эпистолярии, к их роду занятости и, наконец, связям с автором «Горя...».

6

Муравьевы, Олизар и Оржицкий (последний, что примечательно, в свете воспоминаний об одном из лидеров мятежа Рылееве) в грибоедовском дневнике и корреспонденции 1825 г. будут названы прямо [20, с. 325; 21, с. 96, 102]. То есть вразрез с принципами, придерживаясь которых тайное сообщество в то время было просто вынуждено. Но о Жюльене, Жомини, Столыпине и В. Ржевуском Грибоедов напишет точно так же [21, с. 93, 96]. А это едва ли сделает желательным появление их имен уже в научных публикациях, навязывавших классику образ одного из «попутчиков» декабризма, которые были обязаны соблюдать правила конспирации.

Авантюрист, педагог и меценат, хозяйственник и вояжер, военачальник и политический деятель, переводчик и беллетрист, музыкант. Таковы грани личности В. Ржевуского – к революционным процессам примкнувшего, но посвятившего себя не лишь им. Это же можно сказать о Жюльене, Жомини и Столыпине, чья активность на государственном поприще не помешала им состояться вне ее рамок, то есть в науке и в искусствах. Рассказывать о роли таких людей в планах Грибоедова посетить Грузию – значит, ставить под сомнение нечкиновскую мысль о преобладании в его окружении убежденных оппозиционеров. Которые, оказавшись готовыми к самовыражению в условиях одной борьбы (подобно ветеранам наполеоновских войн Бестужеву-Рюмину, Муравьевым, Орлову и Трубецкому), в мирной жизни, в сущности, если себя и нашли, в полной мере не раскрыли.

Третье обстоятельство, в силу которого в СССР афишировали не все лица из писательского круга общения, – спонтанность событий путешествия 1825 г. Планы знакомства с Жюльеном в Париже и с В. Ржевуским в Бердичеве принадлежали не самому Грибоедову, а князю Вяземскому и киевскому подполью, идея покинуть столицы со Столыпиным объяснялась их соседством, с Жомини (в компании которого отъезд на Кавказ затевался изначально) сочинитель-дипломат сойдется благодаря родственным связям с Паскевичем. Иными словами, все, кто в теории могли стать спутниками Грибоедова в 1824–1825 г., на практике оказались сопряжены с ним в силу случая. Но то же касается хронологии и географии данного странствия – которое изначально задумывалось не в год Восстания декабристов, а ранее, и затрагивало не связанные с ними места в Киеве и в Крыму, а Францию [15, с. 65–73]. Более того, реализация Грибоедовым «европейского» сценария вояжа и вовсе привела бы к тому, что с ним не встретились бы как члены Южного общества (на Украине), так и Оржицкий с Орловым (на полуострове).

А ведь именно эти контакты послужили причиной для его ареста по Делу о тайном заговоре – став одним из важнейших столпов, на которых в Советском Союзе держалось грибоедоведение. В итоге, не решившееся признать, что в канун событий на Сенатской площади создатель «Горя...» увидел революционеров в пути нечаянно. И отказавшееся развивать тему с Жюльеном, Жомини, Столыпиным и В. Ржевуским – чьи встречи с ним так же не были преднамеренными.

7

Приведенные факты доказывают, что причин не писать о Жюльене, Жомини, Столыпине и В. Ржевуском у науки «нечкиновского» периода было достаточно. Во-первых, их имена называются в эпистолярной Грибоедова прямо, что ставит под сомнение навязанный ему образ вольнодумца, который был вынужден вести скрытный образ жизни. Во-вторых, решения взаимодействовать с кем-либо из этой группы лиц накануне отъезда из столиц и приезда в Грузию сочинитель-дипломат принимал ситуативно, поскольку Жомини был другом его семьи, Столыпин соседом, а замысел встречи с Жюльеном и В. Ржевуским принадлежал третьей стороне. Наконец, помимо участия в политике, вышеназванные деятели также отличились успехами в иных сферах жизни, из чего следует, что, если вояж 1825 г. в итоге и затронул людей, вовлеченных в борьбу за власть, поначалу предполагал контакты с теми, кто не считал ее приоритетом. Сказанное согласуется с аналогичными наблюдениями над окружением Грибоедова в Крыму, позволяющими увидеть несостоятельность традиционных взглядов на его путешествие. Но просопография планов данного события имеет и отличительные черты. Если Жюльена, Жомини и Столыпина в СССР просто замолчали, В. Ржевуского из грибоедовианы вычеркнули – предпочтя этому человеку его однофамильца и родственника из круга общения Адама Мицкевича. Последний в советскую пору причислялся к революционерам, вследствие чего фраза о ярмарке на Вольни из писательского эпистолярного не могла быть отнесена к В. Ржевускому. С главным поэтом Польши не дружившему и, как результат, не подходившему на роль связующего звена между ним и представителем оппозиции Грибоедовым. Сближая же создателя «Горя...» именно со спутником Мицкевича, «вульгарные социологизаторы», напротив, помимо данной выгоды достигали еще двух целей. С одной стороны, снимая с Южного общества подозрения в намерении вовлечь Грибоедова в орбиту влияния радикальной шляхты (стоявшей за В. Ржевуским). И, с другой, сужая потенциал версии о произошедшем в Киеве писательском конфликте с подпольем (разрешить который как раз и помогло бы появление на его периферии знаменитого беллетриста и востоковеда). Такой комментарий к словам Грибоедова о Бердичеве, разумеется, противоречил фактам, но, усиливая «мицкевичский подтекст» [17, с. 22], устраивал отечественных и зарубежных экспертов. Включая задававшую тон в их среде академика Нечкину, которая едва ли догадывалась о существовании двух Ржевуских. Прочим же ученым оказалось не под силу противопоставить ее видению жизни и творчества классика нечто соразмерное, по причине чего в повествованиях о поездке 1825 г. донныне сохраняется статус-кво. Наблюдается он в общепризнанном трактовании причастных к ее проекту лиц, которое, как видно, не учитывает целый ряд деталей. И, в первую очередь, широту интересов Грибоедова – осведомленного о многообразии деятельности Жюльена, сблизившегося с Жомини благодаря своему зятю Паскевичу, вряд ли знавшего Генриха Ржевуского, но наверняка слышавшего о его дяде Вацлаве.

Список литературы

1. Ганчарэнка С. А. Прасапаграфія: гісторыя станаўлення і развіцця метаду // Журнал Белорусского государственного университета. – История. – 2017. – № 3. – С. 94–100.
2. Гомолицкий Л. Сочинения русского периода. – Том 1. Стихотворения и поэмы / ред. Л. С. Флейшман. – М.: Водолей, 2011. – 701 с.
3. Грибоедов: энциклопедия / ред. С. А. Фомичев. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 393 с.
4. Декабристы: биографический справочник / ред. М. В. Нечкина. – М.: Наука, 1988. – 446 с.
5. Заборов П. Р. Н. И. Греч и «Revue Encyclopédique» // Русская литература. – 2019. – № 3. – С. 36–41.
6. Зырянова А. В. Реакция Соединенных Штатов на политические изменения в Польше (1949–1952 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 3 (1). – С. 74–79.
7. Лермонтовская энциклопедия / ред. В. А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
8. Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова, 1791–1829 / ред. А. Л. Гришунин. – М.: Наследие, 2000. – 239 с.
9. Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова. 1790–1829 / ред. Н. А. Тархова. – М.: Минувшее, 2017. – 604 с.
10. Литература славянских народов / ред. Д. Ф. Марков. – Вып. 4. Из истории литератур Польши и Чехословакии. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 283 с.
11. Литературное наследство / ред. С. А. Макашин. – Том 31–32. Русская культура и Франция. – Часть 2. – М.: Журнально-газетное объединение, 1937. – 1028 с.
12. Литературное наследство / гл. ред. П. И. Лебедев-Полянский. – Том 47–48. А. С. Грибоедов. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 376 с.
13. Литературное наследство / гл. ред.: В. В. Виноградов. – Том 60. Декабристы-литераторы. – Книга 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 674 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / ред. Л. И. Гольман. – Том 4. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 615 с.
15. Минчик С. С. Грибоедов и Крым. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – 276 с.
16. Минчик С. С. Грибоедовская тема в переписке А. И. Полканова с В. И. Филоненко // Сб. тезисов II Науч. конф. «Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь, 24–28 октября 2016 г.) / ред. С. И. Федоркин. – Том 7. Таврическая академия. Симферополь: Изд-во КФУ им. В. И. Вернадского, 2016. – С. 681–682.
17. Науменко Г. А. «Из Пиндемонти» в Страстном сюжете Каменноостровского цикла // Litera. – 2014. – № 2. – С. 22–65.
18. Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. – М.: Художественная литература, 1977. – 735 с.
19. Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова. – М.: Мысль, 1982. – 104 с.
20. Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова / гл. ред. С. А. Фомичев. – Том 2. Драматические сочинения. Стихотворения. Статьи. Путевые заметки. – СПб.: Нотабене, 1999. – 617 с.
21. Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова / гл. ред. С. А. Фомичев. – Том 3. Письма. Документы. Служебные бумаги. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 686 с.
22. Полное собрание сочинений и писем В. А. Жуковского / гл. ред. А. С. Янушкевич. – Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. – М.: Язык русской культуры, 2000. – 840 с.
23. Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / ред. Ю. Г. Оксман. – [Вып.] 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 520 с.
24. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. – Часть 4. – СПб.: Изд-во III Отделения Собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1857. – 482 с.
25. Русский архив. Историко-литературный сборник / ред. П. И. Бартенев. М.: Петр Бартенев, 1864. – 862 с.
26. Русский биографический словарь / ред. А. А. Половцев. – Том 7. Жабокритский – Зяловский. – СПб.: Изд-во Имп. Русского исторического общества, 1897. – 588 с.
27. Ситникова Г. В. Русская провинция: А. С. Грибоедов и братья Бегичевы // Материалы Всерос. науч. конф. «Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья» (г. Елец, 24–26 сентября 2020 г.) / ред. Т. П. Дудина. – Елец: Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2020. – С. 96–100.
28. Степанов Л. А. Эстетическое и художественное мышление А. С. Грибоедова. – Краснодар: Изд-во КГУ, 2001. – 312 с.
29. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга, с планом и таблицей

- пожарных сигналов: на 1823 год / авт.-сост. С. Аллер. – СПб.: Изд-во Департамента народного просвещения, 1822. – 663 с.
30. Фомичев С. А. Александр Грибоедов: биография. – СПб.: Вита Нова, 2012. – 511 с., XXXII.
 31. Фомичев С. А. Дополнения к «Грибоедовской энциклопедии» // Культура и текст. – 2021. – № 3 (46). – С. 70–79.
 32. Французский ежегодник 2009 / ред. А. В. Чудинов. – [Вып. 52] Левые во Франции. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 389 с.
 33. Энциклопедический словарь / ред.: К. К. Арсеньев, Ф. Ф. Петрушевский. – Том 31А (62): Статика – Судостроительство. – СПб.: АО «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон», 1901. – 854 с.
 34. Юшков И. П., Хорева Н. В. Польское восстание 1830–1831 гг. в дореволюционной и советской историографии // Мат-лы XXIV Науч. конф. «Пироговские чтения» (г. Нижний Новгород, 26 ноября 2018 г.) / гл. ред. А. В. Грехов. – Н. Новгород: Изд-во Приволж. исслед. мед. ун-та, 2018. – С. 182–185.
 35. Bonamour J. A. S. Griboyedov et la vie littéraire de son temps. – Paris: Presses universitaires de France, 1965. – 454 p.
 36. Gomolicki L. Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji, 1824–1829. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1949. – XXVII, 379 s.
 37. Kucera F. Wacław «Emir» Rzewuski (1784–1831): podróżnik i żołnierz. – Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2016. – 376 s.
 38. Langendorf J.-J. Krieg führen: Antoine-Henri Jomini. – Zürich: Hochschulverlag AG, 2008. – 528 s.

References

1. Ganchar`nka S. A. *Prosopografiya: istoriya stanovleniya i razvitiya metoda* [Prosopography: History of Formation and Development of the Method]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, no 3, pp. 94–100.
2. Gomolicki L. *Sochineniya russkogo perioda* [Works of the Russian period]. Ed. L. S. Fleishman. Vol. 1. Moscow, Vodolei Publ., 2011. 701 p.
3. *Griboedov: entsiklopediya* [Griboyedov: encyclopedia]. Ed. S. A. Fomichev. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2007. 393 p.
4. *Dekabristy: biograficheskiy spravochnik* [Decembrists: biographical reference book]. Ed. M. V. Nechkina. Moscow, Nauka Publ., 1988. 446 p.
5. Zaborov P. R. *N. I. Grech i «Revue Encyclopédique»* [N. I. Grech and Revue Encyclopédique]. *Russkaya literatura*, 2019, no 3, pp. 36–41.
6. Zyryanova A. V. *Reaktsiya Soedinennykh Shtatov na politicheskie izmeneniya v Pol'she (1949–1952 gg.)* [Reaction of United States to political changes in Poland (1949–1952 gg.)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2012, no 3 (1), pp. 74–79.
7. *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov Encyclopedia]. Ed. V. A. Manuilov. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1981. 784 p.
8. *Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Griboedova, 1791 – 1829* [Chronicle of Life and Works of A. S. Griboyedov, 1791–1829]. Ed. A. L. Grishunin. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 239 p.
9. *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Sergeevicha Griboedova. 1790–1829* [The Chronicle of Life and Work of Alexander Sergeevich Griboyedov. 1790–1829]. Ed. N. A. Tarkhova. Moscow, Minuvshie Publ., 2017. 604 p.
10. *Literatura slavyanskikh narodov* [Literature of the Slavic peoples]. Ed. D. F. Markov. Vol. 4. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959. 283 p.
11. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Ed. S. A. Makashin. Vol. 31–32. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1937. 1 028 p.
12. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Ed. P. I. Lebedev-Polyanskii. Vol. 47–48. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1946, 376 p.
13. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Ed. V. V. Vinogradov. Vol. 60. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1954, 674 p.
14. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [The Works]. Ed. L. I. Gol'man. Vol. 4. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1955. 615 p.

15. Minchik S. S. *Griboedov i Krym* [Griboedov and the Crimea]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2011. 276 p.
16. Minchik S. S. *Griboedovskaya tema v perepiske A. I. Polkanova s V. I. Filonenko* [Griboedov's theme in the correspondence of A. I. Polkanov with V. I. Filonenko]. *Sbornik tezisev II Nauchnoi konferentsii «Dni nauki KFU im. V. I. Vernadskogo» (g. Simferopol', 24–28 oktyabrya 2016 g.)*. Simferopol, Izdatel'stvo KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2016, pp. 681–682.
17. Naumenko G. A. «*Iz Pindemonti*» v *Strastnom syuzhete Kamennooostrovskogo tsikla* [«From Pindemonti» in the Passion Plot of Kamennooostrovsky Cycle]. *Litera*, 2014, no. 2. pp. 22–65.
18. Nechkina M. V. *Griboedov i dekabristy* [Griboedov and the Decembrists]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 735 p.
19. Nechkina M. V. *Sledstvennoe delo A. S. Griboedova* [Investigative case of A. S. Griboedov]. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 104 p.
20. *Polnoe sobranie sochinenii A. S. Griboedova* [The Complete Works of A. S. Griboedov]. Ed. S. A. Fomichev. Vol. 2. Saint-Petersburg, Notabene Publ., 1999. 617 p.
21. *Polnoe sobranie sochinenii A. S. Griboedova* [The Complete Works of A. S. Griboedov]. Ed. S. A. Fomichev. Vol. 3. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 686 p.
22. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem V. A. Zhukovskogo* [The Complete Works and Letters of V. A. Zhukovsky]. Ed. A. S. Yanushkevich. Vol. 2. M.: Language of Russian Culture, 2000. 840 p.
23. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin: A Temporary Book of the Pushkin Commission]. Ed. Yu. G. Oksman. Iss. 2. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1936. 520 p.
24. *Rossiiskaya rodoslovnaya kniga, izdavaemaya knyazem Petrom Dolgorukovym* [Russian genealogical book published by prince Peter Dolgorukov]. Part 4. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo III Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1857. 482 p.
25. *Russkii arkhiv. Istoriko-literaturnyi sbornik* [Russian archive. Historical and literary collection]. Ed. P. I. Bartenev. Moscow, Petr Bartenev Publ., 1864. 862 p.
26. *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Ed. A. A. Polovtsev. Vol. 7. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva Publ., 1897. 588 p.
27. Sitnikova G. V. *Russkaya provintsiya: A. S. Griboedov i brat'ya Begichevy* [Russkaia provintsiia: A. S. Griboedov i brat'ia Begichevy]. *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Rossiya Ivana Bunina i kul'tura russkogo Podstep'ya» (g. Elets, 24–26 sentyabrya 2020 g.)*. Yelets, Izdatel'stvo EGU im. I. A. Bunina Publ., 2020, pp. 96–100.
28. Stepanov L. A. *Esteticheskoe i khudozhestvennoe myshlenie A. S. Griboedova* [Aesthetic and artistic thinking of A. S. Griboedov]. Krasnodar, Izdatel'stvo KGU Publ., 2001. 312 p.
29. *Ukazatel' zhilishch i zdaniy v Sankt-Peterburge, ili Adressnaya kniga, s planom i tablitsyeyu pozharnykh signalov: na 1823 god* [Index of Houses and Buildings in St. Petersburg, or Address Book, with the Plan and Table of Fire Signals: For 1823]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Departamenta narodnago prosveshcheniya Publ., 1822. XVI, 663 p.
30. Fomichev S. A. *Aleksandr Griboedov: biografiya* [Alexander Griboedov: biography]. Saint-Petersburg, Vita Nova Publ., 2012. 511 p., XXXII.
31. Fomichev S. A. *Dopolneniya k «Griboedovskoi entsiklopedii»* [Supplements to the Griboedov Encyclopedia]. *Kul'tura i tekst*, 2021, no 3 (46), pp. 70–79.
32. *Frantsuzskii ezhegodnik 2009* [French Yearbook 2009]. Ed. A. V. Chudinov. Iss. 52. Moscow, LIBROCOM Publ., 2009, 389 p.
33. *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Eds.: K. K. Arsen'ev, F. F. Petrushevskii. Vol. 31 A (62). Saint-Petersburg, “F. A. Brokgauz – I. A. Efron” Publ., 1901. 854 p.
34. Yushkov I. P., Khoreva N. V. *Pol'skoe vosstanie 1830–1831 gg. v dorevolyutsionnoi i sovetskoj istoriografii* [The Polish uprising of 1830-1831 in pre-revolutionary and Soviet historiography]. *Materialy XXIV Nauchnoi konferentsii «Pirogovskie chteniya» (g. Nizhnii Novgorod, 26 noyabrya 2018 g.)*. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo PIMU Publ., 2018, pp. 182–185.
35. Bonamour J. A. S. *Griboedov et la vie littéraire de son temps*. Presses universitaires de France. Paris: Presses universitaires de France Publ., 1965, 454 p.
36. Gomolicki L. *Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji, 1824 – 1829*. Warszawa: Książka i Wiedza Publ., 1949. XXVII, 379 s.

37. Kucera F. Waclaw «Emir» Rzewuski (1784 – 1831): podróżnik i żołnierz. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2016. 376 s.
38. Langendorf J.-J. Krieg führen: Antoine-Henri Jomini. Zürich: Hochschulverlag AG, 2008. 528 s.

THE PROSOPOGRAPHY OF THE PLANS OF A. S. GRIBOYEDOV'S TRIP TO THE CAUCASUS (1824–1825)¹

Minchik S. S.

The practice to attribute Alexander S. Griboyedov (1794–1829) to the revolutionary movement goes from the observations of his meetings in Kiev and Crimea in June – September 1825. However an objective investigation of the sources makes clear that while his voyaging the author of "Woe from Wit" mainly communicated not with freethinkers, as was previously claimed, but with writers, religious figures and businessmen. The purpose of present issue is to find out which of the persons, that names in the correspondence of artist-diplomats before his journey in June 1824 – May 1825, the scholars still avoid to study, as it was done in researches about his surroundings in the South. The narrative focuses on the relations of the classicist with Henri Jomini, Marc-Antoine Julien, Arkady Stolypin and Waclaw Rzewuski. It establishes what did these persons do while Griboyedov's preparations to leave the capital, the nature of their affinity with politics, arts and sciences is described. The nomination of Jomini, Julien, Stolypin and W. Rzewuski in the epistolary of the author of "Woe ..." is reviewed, the details of his acquaintance with them are recognized, the certain scenes with the participation on Southern Society in Kiev are reinterpreted.

Keywords: griboyedovistic, prosopography, vulgar sociology, Russian-European relations.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323.